

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

З.Ю. Басте*Кубанский государственный**аграрный университет**г. Краснодар, Россия**zara732@mail.ru***ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БИЛИНГВА:
КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ
И ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ****[Zara Yu. Baste Language consciousness of a bilingual:
cultural codes and ethnospecific meanings]**

It is considered cultural codes and ethnospecific meanings, represented in the linguistic consciousness of a bilingual and his individually-author's picture of the world. The mastery of national culture occurs in the process of perception and understanding of images and ideas presented in the space of national culture, while the influence of ethnocultural factors on the linguistic code is significant, which is naturally manifested in the linguistic picture of the world. The material for the study is the literary text "The Legend of the Great Abduction" by K. Natkho, a bilingual writer. The semantic space of such a text is based on the functioning of cultural codes as components of the national picture of the world: such codes focus the reader's attention both on the realities of linguoculture and on the manifestations of the mental world of representatives of the linguocultural collective and their system of values, norms of a particular national culture, traditions and customs of the people. The linguistic consciousness of a bilingual fixes significant cognitive structures of language and culture in the form of various cultural codes; meanings that belong simultaneously to the world of words and the world of consciousness serve as an intermediary between the national picture of the world and linguistic consciousness. As a result, it was proved that the markers of the linguistic consciousness of the bilingual, represented in the texts produced by the bilingual subject, objectify the laws of the national and individual author's pictures of the world.

Key words: linguistic consciousness, cultural code, ethnospecificity, national picture of the world, individual author's picture of the world, bilingualism.

В научной парадигме современной лингвистики наблюдается устойчивый рост интереса к феномену билингвизма, к его специфике и возможным формам реализации. В фокусе внимания находятся сущность когнитивно-коммуникативных процессов, протекающих на пересечении культур, осмысление природы их взаимодействия, понимания различными этносами друг друга,

проблематика формирования картины мира билингва прежде всего на основании выяснения особенностей взаимосвязи языка и мышления [8; 9]. Кроме того, важное место среди актуальных вопросов современных исследований билингвизма занимают аспекты языкового сознания билингва, а также средства вербализации такого сознания. Лингвистика нацелена на установление факторов, которые определяют степень влияния билингвальности на формирование и развитие мировоззрения личности, владеющей двумя языками, а также на выявление важнейших сторон духовного мира, в наибольшей степени подвергающихся воздействию билингвального языкового сознания.

Действительность отражается в сознании, способствуя при этом вербализации мысли в координатах разных языковых систем, что зачастую детерминирует необходимость сопоставления понятий, их содержания с тем, чтобы обеспечить адекватное выражение мыслей. Рассмотрение процессов, протекающих в языковом сознании билингва, позволяет сделать вывод о наличии сходства, иногда даже тождества явлений и фактов, которые могут быть характерны для обоих языков, однако такие феномены не тождественны в плане применения средств вербализации, и способы, имеющиеся в одной языковой системе, могут отсутствовать в другой.

Мышление – это прежде всего способность оперировать понятиями, поэтому очевидно, что билингвам свойственна разносторонность когнитивной деятельности, богатство языкового выражения мысли. В данном случае исходным признается, разумеется, постулат о единстве языка и мышления. Поэтому логично предположить, что полисемантичесность языка ведет к поливаритивности мышления, что закономерно определяет важность формирования билингвальной среды для развития когнитивной деятельности личности и лингвокультурного коллектива как такового. Проблема феномена билингвизма, возникновение би(поли)культурных пространств в современном мире позволяет человечеству осознать само устройство мира: «в языке до нас запечатлено многотысячелетнее познание мира; мир отражен в языке; в этом определенном смысле мир и его отражение в языке – нечто единое» [6, с. 921]. Условия билингвизма способствуют также расширению самого процесса социализации, позволяя языковой личности вовлекать в свой социо- и лингвокультурный опыт всё новые слои, зачастую вовсе не имеющие черт сходства друг с другом.

Этноспецифические по своему характеру артефакты, свойственные различным культурам, находят отражение в языковых картинах мира, формируя культурные различия. Эти культурные различия могут быть не интерпретированы адекватно представителями иных культур [7; 10]. Поэтому межкультурная коммуникация, востребованная народами мира, опирается на изучение специфики конкретной культуры и лингвокультуры. Анализ языковых особенностей с позиций возможности их транслирования в другую культуру создает дополнительные возможности в плане расширения знаний о действительности.

Процесс овладения национальной культурой происходит в сознании ее носителя на основании восприятия и понимания образов и представлений, которые такой культуре свойственны. Языковой код подвергается существенному влиянию этнокультурных факторов, что, в свою очередь, находит отражение в языковой картине мира. Все уровни языка характеризуются наличием национально-культурного компонента значения, однако наиболее значителен его удельный вес в лексике, фразеологии и афористике. Различные языки фокусируются на различном восприятии одного и того же явления, поэтому один и тот же феномен внешнего или внутреннего мира получает обозначение через разные признаки. Каждый национальный язык отражает только то, что значимо для национальной языковой картины мира, выдвигая на первый план существенные черты и свойства предмета или явления. Это, в свою очередь, обусловлено как историческими и экономическими условиями формирования и развития народа, так и его национальным менталитетом, народным мышлением, национальным видением мира. Поэтому усвоение другого языка и, соответственно, новой языковой картины мира сопряжено с определенными трудностями.

Одну из важных ролей в формировании этнокультурного пространства продолжают играть так называемые лингвоспецифичные слова, которые создают определенные транслатологические сложности. Например, таково понятие *Адыге хабзэ*, перевод которого может быть только описательным: это «адыгская этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов. Адыгэ хабзэ включает в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом» [1]. В целом лингвоспецифичные слова – это такие слова и лексические сочетания, которые несут в себе типическое для конкретной культурной общности, но не являющееся определяющим и важным для дру-

гой общности, что и обуславливает отсутствие переводного аналога в ином языке. Мы вправе также утверждать, что такие лексические единицы характеризуются наличием культурных коннотаций и оценочного компонента значения. Само по себе наличие в конкретной языковой системе лингвоспецифичных слов свидетельствует о традициях, обычаях, уникальности системы ценностей, этических представлений данной культуры. В случае с Адыге хабзэ, необходимо также помнить и об устной форме бытования этого значимого для адыга кодекса, а также о вариативности норм сообразно историческому развитию адыгских народов при сохранении смыслового и ценностного ядра этой концепции – понятий о чести, цели в жизни, о скромности, об отношении к старшим, женщине и о презрении к смерти.

Поэтому необходимо говорить о том, что каждая лексическая единица, отличающаяся лингвоспецифичностью, включает такие компоненты, в разной степени значительные в ценностном отношении в конкретные исторические периоды. Анализ лингвоспецифичных слов может проводиться только на основании образов языкового сознания, и в этом отношении текст, особенно если он создан билингом, предоставляет неоценимый материал для изучения.

Овладевая вторым языком, человек осваивает не только средство коммуникации (языковой код), но и сумму знаний о мире конкретного народа – носителя лингвокультуры. Новая языковая картина мира позволяет постичь мировоззрение другого народа, его нормы и ценности, традиции и обычаи, его менталитет и языковое сознание. Так, например, в художественном тексте писателя-билингва К. Натхо «Легенда о великом похищении» [5] находим репрезентативные контексты, подтверждающие выдвинутые нами тезисы. Художественный текст писателя-билингва воссоздает национальную картину мира, а культурные коды как компоненты текстового семантического пространства транслируют этноспецифические смыслы, аккумулированные в реалиях лингвокультуры. Важны также проявления психического мира представителей лингвокультурного коллектива, ценности этноса, отраженные в его традициях и репрезентированные в тексте. Духовный культурный код влияет и во многом обуславливает телесные проявления человека, оказывая влияние и на его восприятие самого себя в пространстве, а значит, определяя позы и движения, приемлемые в конкретной культурной ситуации.

Текст «Легенды...» содержит множество контекстов, отсылающих читателя и исследователя к культурным кодам адыгской картины мира и культуры, и все они призваны разносторонне охарактеризовать героев и их действия в самых разных ситуациях. Например: «Кизбеч в чалме, с длинной седой бородой, выделявшийся высоким ростом и львиным взглядом, поднял руку, призывая всех присутствующих успокоиться и слушать» [5, с. 11]. В приведенном примере значимым является портрет героя, в который включено описание его костюма, внешности и жестов.

Маркеры предметного культурного кода обнаруживают многоуровневое семантическое взаимодействие с кодом духовным, когда автор обращается к описанию любых ситуаций, связанных с лошадыю, ее дрессировкой и особой ролью в жизни адыга, например: «Надо научить любую лошадь не повиноваться никому, кроме хозяина, и никогда не оставлять его в трудной ситуации. Нередки случаи, когда тяжело раненного, даже бездыханного хозяина, лошадь, ухватившись зубами за пояс, уносит с поля боя» [5, с. 8]. В приведенном контексте значимо осознание преданности, верности лошади своему хозяину, а значит, репрезентирован фрагмент ценностной картины мира этноса.

Предметный культурный код, представленный лексемами *лошадь*, *всадник*, тесно связан с представлением об адыгском национальном этикете, важные аспекты которого репрезентированы в следующем контексте: «Все пришло в движение. Женщины и возницы стали рассаживаться по телегам *с подарками родителям Алецука и старейшинам рода Берзеков*. Всадники подошли к своим лошадям. Кизбеч легко поднялся и мягко уселся в высоком черкесском седле. И оттуда подал знак Алецуку – "на коня!"» [5, с. 9] (маркеры этикетного поведения выделены в данном фрагменте курсивом). Отметим, что всадники, сопровождающие Кизбеча и его пура Алецука, только после самого Шеретлуко и его воспитанника сядут на коней (в данном фрагменте – *подошли к лошадям*), кроме того, только Кизбеч может позволить самому Алецуку занять его место в седле.

Подчеркнем также, что адыгский национальный этикет, объединяющий предметный и духовный культурные коды и этноспецифические смыслы, предполагает особый такт в общении, что заметно и в следующем фрагменте: «Воспользовавшись небольшой паузой, Емыноко, очень осторожно, вставил: – Кизбеч, мы скоро прибываем в аул Чехахш.

– Простите, Емыноко, – спохватился Кизбеч, – увлекся. Вся сознательная жизнь адыгов, вот уже, какое поколение, занимает эта проклятая война. Если не воюют, то о ней только и говорят.

Кизбеч оглянулся, чтобы дать команду сыну, а тот, не дожидаясь ее, ответил, что все на месте, все готово, как и условились» [5, с. 14]. При том, что отношения Емыноко и Кизбеча показаны автором как далеко не самые гармоничные, соблюдение правил этикета не позволяет им выказывать хотя бы какую-то резкость в суждениях. Такт значим и в общении Кизбеча и его сына: сын не дожидается прямых указаний отца, он предупреждает их (*Кизбеч оглянулся, чтобы дать команду сыну, а тот, не дожидаясь ее, ответил, что все на месте, все готово, как и условились*). Той же цели – предупредить ожидание – служат и действия молодых убыхов, ожидающих прибытия Кизбеча и Алецука: «Молодые убыхи, наблюдавшие за движением, стали стрелять из ружей, извещая хозяев о приближении гостей» [5, с. 14].

Правомерно считая танец одним из важнейших показателей этнокультуры, К. Натхо и в других фрагментах текста характеризует своих героев через их отношение к танцу и к праздникам в целом, например: «Кизбеч никогда не уклонялся от исполнения песни или танца, мог публично высмеять людей в возрасте или с религиозным саном, считавших участие в танцах, игрищах и песнопениях детско-юношеской забавой, не достойной зрелого мужчины — мусульманина. И когда ему говорили, что не пристало хаджи, а он был им, участвовать в увеселительных мероприятиях, отвечал: «а я и в рай не хочу, если там не танцуют» [5, с. 17-18]. Примечательно, что национальный герой – Кизбеч Шеретлуко, несомненно, претворяя в своей жизни установления ислама, совершив хадж, не является при этом ханжой, потому что ценит не только то, что предписано строгими канонами веры, но и доминантные смыслы своей культуры, что позволяет ему утверждать: *я и в рай не хочу, если там не танцуют*.

Язык и культура относительно самостоятельны, однако бесспорна их связь, осуществляемая с помощью значений языковых знаков. Языковые знаки обеспечивают онтологическое единство языка и культуры, транслируя культурный код. Человеческая деятельность включает символический, культурный компонент, одновременно и универсальный, и национально специфичный. Поэтому неслучайна в современной гуманитарной научной пара-

дигме возрастающая актуальность изучения взаимосвязей языка и культуры. Совершенно справедливы высказывания В.А. Масловой на этот счет: «Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, то есть отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике» [4, с. 63]. Носитель языка – одновременно и носитель культуры; языковые знаки обеспечивают реализацию функций знаков культуры, что позволяет считать и язык культурным кодом, консервирующим и транслирующим основные ценностные установки, нормы и ценности. Язык манифестирует национальный менталитет носителей культуры и, соответственно, сами компоненты культуры. Кроме того, разумеется, язык оказывает определяющее влияние на сознание личности. Среда обитания народа, его традиции, быт, аксиологическая система определяют сознание человека, а его языковое сознание – результат национально-культурной интерпретации мира, вербализованной средствами национального языка. Структурированность и логическая детерминированность языкового сознания обуславливается самой иерархической природой языка, моделированием с его помощью форм сознания и мышления и осуществлением вербальной коммуникации.

Как внешнее проявление сознания, язык представляет собой наиболее важный путь его изучения. Взаимодействие сознания и языка характеризуются динамикой, эти отношения двунаправлены: проявление сознания человека стремится вербализоваться, языковые знаки, в свою очередь, оказывают влияние на развитие и функционирование сознания. Динамика словотворчества и его роль в сфере бессознательного исследованы в современных работах. Как подвижное семантическое пространство, наполненное разноуровневыми смыслами, сознание имеет лабильные, размытые границы, однако такая характеристика не препятствует четкому структурированию национальной языковой картины мира посредством ее репрезентации языковыми знаками. В формировании коллективного национального сознания участвуют географические условия формирования и развития народа, экономический уклад, традиции, обычаи, нормы и ценности, культура в целом. Коллективное сознание нации репрезентирует отражение интерпретации мира посредством архетипов и кон-

цептов. Языковое сознание закрепляет эти значимые когнитивные структуры в координатах культурного и языкового кода нации, а роль посредника между национальным образом мира и языковым сознанием играет значение, принадлежащее как миру слов, так и миру сознания. В этой связи языковое сознание билингва и его маркеры, присутствующие в текстах, продуцируемых двуязычным субъектом, манифестируют важные закономерности, свойственные для национальной и индивидуально-авторской картин мира.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Адыге хабзэ. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D1%8D_%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B7%D1%8D
2. *Араева Л.А.* Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115.
3. *Денисова Э.С.* Проблемы словотворчества в антропологической концепции В. фон Гумбольдта // Лингвистика как форма жизни. М.: ЛЕНАНД, 2009. Вып. 2. С. 66 -76.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издат. Центр «Академия», 2001.
5. *Натхо К.И.* Легенда о великом похищении. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Пер. с англ. З. Басте. Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2019. 120 с.
6. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
7. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 398 p.
8. *Lave J.* Cognition in Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 231 p.
9. *Pinker S.* How the Mind Works. L.: Penguin Press Science, 1999. 672 p.
10. *Quinn N.* The Mainstreaming of Cultural Models // Psychological Anthropology: State of the Art. San Diego: San Diego University, 1997. P. 4-17.

R E F E R E N C E S

1. Adyge khabze. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D1%8D_%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B7%D1%8D
2. *Araeva L.A.* Word-building type: traditional and modern vision // Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2004. No. 4. P. 110-115.
3. *Denisova E.S.* Problems of word creation in the anthropological concept of W. von Humboldt // Linguistics as a form of life. M.: LENAND, 2009. No. 2. P. 66-76.
4. *Maslova V.A.* Linguoculturology: textbook. M.: Publishing house. Center "Academy", 2001.
5. *Natkho K.I.* The legend of the great abduction. Ed. 2nd, added and revised / Trans. from English Z. Baste. Maykop: LLC Polygraph-Yug, 2019. 120 p.
6. *Stepanov Yu.S.* Constants. Dictionary of Russian culture. M.: Languages of Russian culture, 1997. 824 p.
7. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 398 p.
8. *Lave J.* Cognition in Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 231 p.
9. *Pinker S.* How the Mind Works. L.: Penguin Press Science, 1999. 672 p.
10. *Quinn N.* The Mainstreaming of Cultural Models // Psychological Anthropology: State of the Art. San Diego: San Diego University, 1997. P. 4-17.

26 июля 2021 г.
